

**Ужин с
ЛЕОНОЙ**

**ПЕРЕРЫВ
ОКОНЧЕН**

**Мини-постер:
Ванесса Мэй**

Льюис

**ДАМАСК,
ГОРОД
КОНТРАСТОВ**

**Паруса и
музыка**

**Лечим
КОРОВУ**

**Каша для
министра**

**ЛОМИ
СТЕНОЙ!**

**Хвост
БОЛИТ**

Путь
лисенка

**АЛИСА
на экране**

Сирия

ДАМАСК

Пионер

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
Основан в марте 1924 г.

№ 3
МОСКВА, 2010

...ВАМ ОТ НАС!

ПОРАЗМЫШЛЯТЬ

... И ПОРАЗВЛЕЧЬСЯ!

**читайте
в номере:**

2 ► Т. БОВИЩАНСКИЙ *РУССКИЙ БОЙ*

Во всем мире восточные единоборства считаются непревзойденными. Но неужели наши предки-славяне не умели себя защитить? Или мы просто ничего об этом не знаем?

8 ► *ТОВОРИ!*

Что это означает – «иметь твердый характер»?

9 ► *КОРАБЛИК*

Джонатан Кимельфельд. Ищущий взгляд.

10 ► 8 «ОКАЗЫВАЕТСЯ...»

О ЛИСАХ

Оказывается, Патрикеевой лису называют «в честь» князя Патрикеева Наримунтовича, жившего в XIV веке и славившегося своей невероятной хитростью.

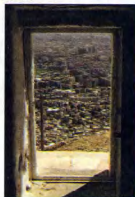
На обложке: проект «Кукольный дом».

12 ► *МУЗЕЙ ПО ИМЕНИ ЗЕМЛЯ*

Леонид КЛЕПИКОВ

ДАМАСК, ГОРОД КОНТРАСТОВ

В насчитывающем тысячелетия Дамаске мирно уживаются древние постройки и современные кварталы, мусульманские мечети и православные храмы, люди разных вероисповеданий и национальностей.

15 ► *КЛИТ-КЛЭБ*

- Как Леона Льюис помогает гаитянам.
- Петр Налич начинает и – ?..
- Диск после долгих «каникул».

18 ► *ЧЕЛОВЕК С КАРТИНЫ*

Сергей ДОНЦОВ

**КУРС «АЛМАЗА» И...
«ПОЛЕТ ШМЕЛЯ»**

Римский-Корсаков – композитор, моряк и верный товарищ.

28 ► *ОХОТНИКИ ЗА СЛОВАМИ*

Лариса ШЕБЕКИНА

ОФОНАРЕТЫ!

ВИНЕТРЕП НА ПРОЩАНИЕ
Правда ли, что нас на Земле слишком много?

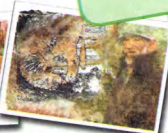
20-стр.

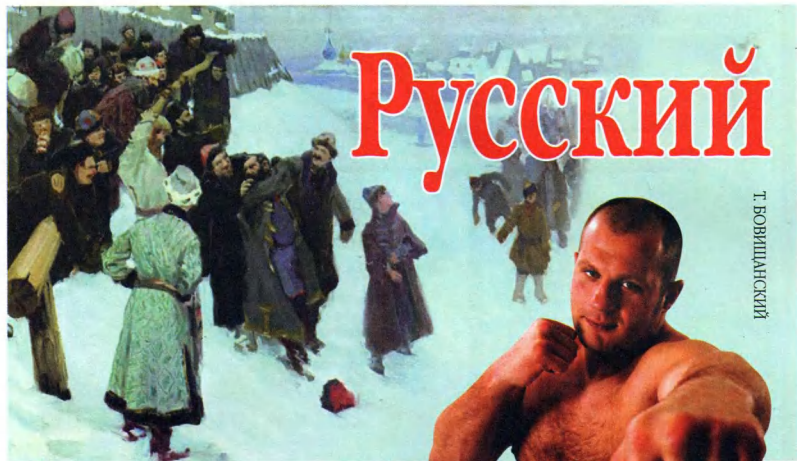
Борис
ЯРОЦКИЙ

СОЛЕНА

Продолжение

Вылечить корову – дело не самое простое. Но ее еще и доить нужно, а как?

Т. РОВИЩАНСКИЙ

БОЙ

*Слышали
выражение –
«стенка на
стенку»? А
знаете, что оно
означает?*

КУЛАК-НА-КУЛАК

В детстве лермонтовская «Песня про купца Калашникова» производила на меня, как сказали бы в XIX веке, «магнетическое» действие. Читать ее всегда было невероятно, почти мучительно грустно. Но и оторваться тоже было свыше моих сил:

...Как сходились, собирались
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.
И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.
Оцепили место в двадцать пять сажень,
Для охотничьего бою, одиночного.

Почему-то особенно поражали детали. Огороженное серебряной цепью место, «правительственная ложа» для грозного царя Ивана, собравшиеся зрители. Немного похоже на бокс. Но только на странный какой-то. Вместо того, чтобы проводить нырки, отбивы и уклоны, бойцы стояли друг

напротив друга и по очереди рубили противника «в кость». И дорубились. Одному могучим ударом вдавило в грудную клетку медный нательный крест, а другого вообще испустил дух. Хотя Калашников, на стороне которого были все мои симпатии, все-таки «вырубил» Кирибеевича не по правилам – ударом в висок.

Разве могло такое быть на самом деле? Могло! Михаил Юрьевич описал кулачный бой, точнее, одну из его разновидностей, с необычайной точностью. Такой бой назывался «кулак-на-кулак». Бойцы кидали жребий, кому бить первому. И уж если не завалил соперника с первого раза – подставляй собственную рожу. Мало того, отскакивать, уклоняться, пригнуться или даже переступить с ноги на ногу запрещалось. Тронешься с места – ответишь. Единственное, что разрешали правила, – это прикрыть рукой наиболее уязвимые части тела. Перед началом поединка уговаривались, до какого предела вести бой. До первой крови; пока один из бойцов трижды не собьет соперника с ног; «до полной победы», когда проигравший надежно не отключится. Перед поединком бойцы трикратно обнимались и целовались, показывая, что никто из них не будет в обиде за полученную трепку.

Кстати, именно «кулак-на-кулак» бились на родине Лермонтова – под Пензой, в Тарханах. Так что великий поэт превосходно знал, о чем пишет.

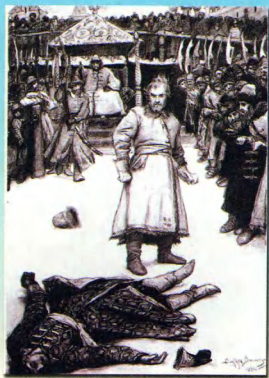
Ну, а в сущности, зачем было драться?

Разве нельзя было решить спор каким-нибудь другим, более гуманным способом?

Ответ двойной. Поединки устраивались либо на потеху, либо «по суду». По суду – это когда на одна из сторон не могла доказать свою правоту. Не было свидетелей, а другие доказательства казались шаткими. Тогда дело решало «поле» – так называемый **судебный поединок**. Про немилосердное «поле» распространяться не буду. Это отдельная тема. А вот про «спортивный» кулачный бой, насколько позволит место, расскажу.

Потеха эта древняя. Она известна на Руси еще с Перуновых времен. Добрая драка считалась угодной языческим богествам, и во время празднеств в их честь наши предки-славяне добросовестно метелили друг друга, сходясь стенка на стенку или один на один. Об этом еще в древних летописях сказано. В более поздние времена сазежкие иноземцы немало дивились боевому азарту обычно смиренных жителей Московии: «Юноши и многие женатые мужчины...со свистом и криками, как то у них в обычае, сходятся врукопашную, безо всякого оружия, и устраивают сражение. Они со страшной силой колотят друг друга кулаками и ногами, попадая в лицо, грудь, живот и пах... Бойцы, готовы, кажется, съесть один другого...они наносили друг другу жестокие удары, не обращая внимания, куда били их огромные кулаки или толкали ноги и колени».

Но еще удивительнее было то, что даже после самой жестокой кулачной баталии недавние противники без всякой враждебности разговаривали друг с другом, дружки хлопали противников по спине и плечам, с удовольствием вспоминали перипетии драки и гурьбой отправлялись в питейное заведение – вскладчину отмечать это

М.Ю.Лермонтов точно описал обстановку кулачного поединка. Все так и было – и правила, и распорядок, и детали.

А.ВАСНЕЦОВ.

Старая Москва.

Разъезд после кулачного боя.

Жуткая вещь – Кисель на

Зимой

КУЛАЧНЫЕ
БОЙЦЫ Лубок

Подбит генерала
Хостенецкого

Граф Алексей Орлов

важное событие. «Кулачный бой сердце горючит, а зла не чинит», – говорили мужики.

Дрались обычно зимой, на масленичную неделю или по другим праздникам, когда мужики и молодые парни, утомившись от зимнего ничего неделания, рады были случаю размяться и показать молодечество. «Кулачный бой в деревне – праздник, деревенский турнир, зрелище, которое деревня не променяет ни на что, – писал известный русский историк.

– Оно собирает всегда громадную толпу народа, среди которой много участников боя, много и зрителей. Смотря по количеству населения в селе, на бой собирается тысяча до трех и более народа. Ближе к избам и к открытым дворам, калиткам и воротам располагаются зрители. Главным образом, женщины. Замужние приходят полюбоваться боем нередко с грудными детьми на руках. Девушки разряжены по-праздничному. Вся эта публика с большим напряжением следит за ходом боя».

Почтище любого футбола, да?

ЛЕЖАЧЕГО НЕ БЬЮТ

«Кулак-на кулак» – лишь одна разновидность кулачного поединка. Были и другие способы пустить друг другу «юшку» без посторонней помощи: «Двое в драку – третий не мешайся». Перед поединком кулачники старались войти в азарт. Они похлывали себя по животу и плечам, приседали, выбрасывали вперед кулаки, пританцовывали, выкрикивали солёные присказки, из которых следовало, что соперник – «куровод» и «топтун», и что скоро ему придется слезно молить о пощаде.

Слышали выражение «распоясаться»? Это как раз оттуда. Перед поединком бойцы снимали пояса. Если человек *распоясался*, его не останавлишь. По той же причине расстегивали ворот рубахи и обнажали душу – ямку у основания шеи. Выйти на бой с душой *нараспашку* означало, что кулачник будет драться до изнеможения. А уж если он снимал прилюдно рубаху, что обычно было немислимым делом, или того пуще – рвал ее у себя на груди, то это значило, что он не боится самой смерти.

Техника кулачного поединка была проста и сурова. Мужики не ведали защитных блоков. Они умели одно – по возможности, сковать движения соперника и «долбить» его до тех пор, пока тот не вырубится или не

Кулачные бои начинали мальчишки.

...А продолжали взрослые.

запросит пощады. Сойдясь «в нагрудную», левой рукой хватали противника за грудки, а правой старались угодить ему в глаз, «в санки» (в нижнюю челюсть), «под микитки» (под ребра) или «в душу» (в солнечное сплетение).

Русский одиночный бой – не английский бокс. Здесь не было перерывов между раундами, не было и отдыха. Иногда бойцы в изнеможении валились на землю, и более сильный наваливался сверху. Дальше происходило то, что мы сегодня видим в «боях без правил». Случались ли увечья? Всякое бывало. Но никто и не думал жаловаться. Поверженных уносили с поля боя, а дальше – как Бог рассудит.

Поединок на кулаках – вещь жестокая. Но существовал и другой вид русского кулачного боя, в котором главным считалась вовсе не «чистая победа». Важней всего было опрокинуть соперника, заставить его бежать, с позором покинуть поле боя. Это была битва «стенка на стенку» – отряд на отряд, компания на компанию, артель на артель. В «стеночных» боях было много азарта, еще больше отваги и куда меньше риска остаться калекой. Хотя опустевшее поле боя всегда бывало усеяно выдранными из бород ключьями, вышибленными зубами и разодранной одеждой.

Обычно дрались улица на улицу, село на село, слобода на слободу. У каждой артели были свои «старосты», свои знаменитые бойцы и свои хитрости. Сходились обычно на льду замерзшей реки или пруда. Если поблизости таковых не оказывалось – на ровном утоптанном пустыре или выгоне. В Москве дрались на льду Москвы-реки, на Яузе, на Великом Лугу. Недалеко от редакции «Пионера» есть Кулаков переулок – здесь еще лет сто назад извозчики и мастеравы устраивали такие кулачные побоища, что обыватели боялись носа из дома высунуть. А теперь и не скажешь – тихий грязноватый переулок рядом с Алексеевской управой.

Дрались не как кому вздумается, а по правилам. Не полагалось бить лежачего. За это могли и свои накостылять. Но если лежачий сам пытался достать противника хотя бы ногой, дела его были плохи. Нельзя было трогать чужого бойца с «мазкой», которому уже и так пустили кровь. Запрещалось прятать в рукавицу свинчатку или какую-либо увесистую железу. Нельзя было бить со спины – только «в бубен». Хотя в горячке боя случалось всякое.

Лучшие бойцы никогда не лезли в драку с первыми минут. Как ястребы, вглядывались они в картину бата-

**Старинная
удалая потеха:
«Ну, сейчас
схлестнемся!»**

СТЕНКА НА СТЕНКУ. В некоторых спортивных лагерях возрождают старинную забаву. Очень грамотное построение! В центре – «большаки». Кто помельче – по краям. Но... вам нравится боец в джинсе? Видите, сколько у него всего под рубашку понатихано, чтобы смягчать удары? Я – за лопаточного, что к нам спиной, с отпечатком чьей-то грязной пятерни между лопаток и заклеенной цартиной. Ай да храбрец! Только самые отчаянные снимали перед схваткой рубахи.

лии. Пора! Пригнувшись, «гвардия» бросалась в водоворот боя, а рядовые бойцы кричали: «Посторонись! Вася идет!»

Вот как описывает свои впечатления фотограф, случайно оказавшийся в эпицентре грандиозного «стеночного» боя: «Сотни кулаков каждую секунду поднимались вверх, нанося удары, от которых стоял в воздухе своеобразный гул, не заглушавший даже криками и ревом дравшихся кулачников. С правого фланга, на котором стоял я с аппаратом, шел особенно ожесточенный бой, как говорили, «по-дорогому». Здесь билось несколько самых лучших и сильных бойцов. Высокие, здоровые, уже не молодые бородачи, у которых руки были как оглобли, кулаки по доброму горшку, били по чем попало, стараясь свалить противника с одного удара, чтобы он лягушкой расстался на снегу. От их ударов уже несколько человек – окровавленные, с разбитыми лицами, выползали кое-как на четвереньках из толпы и отлеживались прямо на снегу. Я только успел сделать снимок, как оказался в гуще дерущихся. Пришлось хватать штатив и спешно ретироваться».

Еще один вид кулачного боя – «свалка-сцеплялка». Правильнее было бы называть ее утратившими боевой порядок, перемешавшимися «стенками». Здесь каждый дрался за себя, случалось – один против троих. В неразберихе свалки-сцеплялки порой доводилось получить «по сусалам» и от своих.

НОРМАЛЬНЫЕ ГЕРОИ

Всякое удалое дело славится своими героями. Были «супер-звезды» и среди кулачных бойцов. На всю Россию гремели имена тульских кузнецов-кулачников Алеши Родимого и Никиты Долговязя. В Нижнем Новгороде крушил соперников Фома Бирюков. В Москве мало кто решался выйти против быстрого, как молния, Ивана Киреева. Они сходились трижды. Два раза никто никого так и не свалил, а на третий Киреев все же «вырубил» здоровенного, как баржа, нижегородца. Шесть лет Иван Федорович не знал поражения, пока его не одолел младший из братьев Мясниковых, торговавших на Пятницкой улице. Кроме кулаков, он пускал в ход голову – не в том смысле, что усиленно думал во время боя, а в качестве чугунного тарана. Но одолел он Киреева не благодаря этому, а обманом. Сперва против Киреева с товарищами вышли двадцать пять специально нанятых крыючников. Как те ни упирались, а все-таки «киреевцы» их погнали. Тут Мясниковы и навалились на измотанного Киреева. Иван Федорович так расстроился, что надолго уехал из Москвы. Не смог вынести «позора».

Кстати, кулачной потехе предавались не только простолюдины. Любил поразмяться в удалой «стенке» московский генерал-губернатор граф Федор Ростопчин. Непревзойденным кулачным бойцом слыл Алексей Орлов, брат всевильного фаворита Екатерины II. Мало кто мог выдержать его сокрушительный удар. А когда выдерживал, Орлов выказывал все свое коварство. Однажды в кулачном поединке ему расквасил нос преображенский унтер-офицер. Орлов приказал на три дня посадить его на цепь рядом с будкой и кормить из собачьей миски.

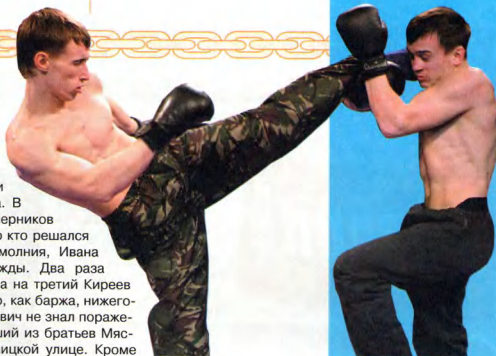
Другое дело – генерал Костенецкий. Вот уж кто был силач так силач, боец так боец! Однажды дамы, желая подшутить над генералом, «угостили» его раскрашенной под настоящую каменной грушей. Костенецкий сразу догадался, что его дурачат. «Хороша груша, да мягковата», – сказал он и разломил ее надвое. В кулачных боях он обворачивал кулаки полотенцами, чтобы не увечить соперников – и все равно побеждал.

Сметка кулачного бойца пригидлась ему и на войне. В одну из кампаний он отбил у французов артиллерийскую батарею, орудия одним лишь банныком – громадным «ершом» для чистки орудий. Узнав о его подвиге, Александр I спросил, какую награду тот желает получить.

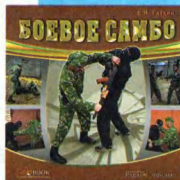
– Прикажите, Ваше Величество, чтобы банныки делали из железа, – попросил Костенецкий.

– Мне совсем не трудно это сделать, – улыбнулся император. – Но где мне взять столько Костенецких?

Русский кулачный бой не исчез бесследно. Многие его приемы с успехом используются и сегодня.

В современных боевых искусствах многое позаимствовано из древних единоборств. Цель поединка та же – победить соперника.

Сцеплялка-свалка – 2010

ДАЙВИНГ И «ОВЫ»

«Сильный характер – это когда говоришь себе: «Вставай, чью!» – и ты встаешь и идешь». (Несн, пос. Князьма)

Не бойся сказать
Говори!
Исправляем только ошибки

А ОТ НАС ЧТО ЗАВИСИТ?

«ВОСПИТАЛИ...»

Все эти разговоры, что мы должны воспитывать характер, меня достали. Пишу после одной такой беседы. Меня они бесят. Все равно от нас ничего не зависит. И я могу доказать.

У меня одно время сильно не шла физика. И предмет не очень нравился, и объясняли не понятно, и еще много пропустила после болезни. Результат сами знаете, какой. И я решила «упереться», чтобы догнать. Взялась сама, стала брать сами знаете, каким местом. Все идет гулять, а я «закаляю характер», зубрю. Но не все понимаю. Пошла к учительнице. Так она мне сказала, что у нее время расписано по часам, нет ни секунды свободной. Посоветовала брать платные уроки. Большое спасибо! Я ей сказала, что об этом думаю. Ну, короче, и все, финиш. Учительница теперь меня специально гнобит. Выучу – не спрашивает, сколько я ни тну руку. Подловит – сразу двойка в журнале. И потом не дает исправить. Это продолжается уже почти полную четверть. Что будет дальше, не знаю. Но догадываюсь.

Вот вам и «характер». Что могла сделать – сделала. Но разве все от нас зависит?

Тамара БУРАКОВА,
г. Ухта

«ДЕВОЧКА НА ВЕРЕВОЧКАХ»

ТУШИ СВЕТ!

Мама говорит, что у меня характер – «туши свет». И что я – «девочка-марионетка». Кто за веревочку потянет, того и послушаюсь.

У меня как-то само все так получается. Я сопротивляюсь-сопротивляюсь, а потом на меня резко наедут – и я готовенькая. Один раз девочки на даче втравили меня в такое дело, что только месяц назад все закончилось. И мне ничего этого не было нужно, просто не смогла отказаться. Когда «командует» кто-то один, то я еще могу и послать. А если компания, то уже все. Какой-то бараний характер. Наверное, в прежней

жизни я была овцой из стада. Еще и из самой середины. Куда все, туда и я. Почему так происходит? Я не дура, вижу, чем кончается. И ничего не могу сделать. Слабый характер.

Антонина,
с. Рогатово

КАК Я ПОМОГАЛА ЛЮДЯМ

НЕ ДЕЛАЙ ДОБРА

Я однажды чуть не утопила пацана. Мы поспорили, кто больше просидит под водой. Он хотел перебить мой рекорд. Хотел вылезать, но я его придержала ногой, по приколу. А потом сама и вытаскивала. Его дева сказала, что я жестокая и что мне лучше работать в море. Вот и делай людям добро. Зря связалась. Под водой с задержкой дыхания могут сидеть только волевые люди. Что, я виновата, что он – моллюск? А я буду дайвером.

Ольга РУСАКЕВИЧ,
ст. Кореновская

Ищущий ВЗГЛЯД

Он идет по беспокойным в своей суете и иногда нелепости улицам города. Загрывает ногами только что выпавший снег, из белого чуда превратившийся в бурое месиво. Он смотрит вперед. Серый город, серые лица, серые тучи над головой. Крыши, провода. Над ними ахает воронье. Он всматривается в глаза других людей, потому что ищет те, единственные, так нужные ему. Глаза, глаза, глаза. Их много. Карие, серые, зеленые, голубые. Маленькие, большие, обыкновенные. Каждый день он выходит на поиск, ему хочется найти тот единственный взгляд. Он ищет и... не находит. Многолюдье на трамвайной остановке, ждут. Он остановился, заглядывая в глаза. Видит в них и озабоченность, и нетерпение, и раздражительность, и усталость, и скуку. Недовольство, волнение. Но тех глаз, нужных ему, нет.

Еще больше помутнело на небе. Снег хлопьями ринулся на землю. Бельми порхающими бабочками кидает ветер снежинки в лицо. Зябко. Промокли ноги, но надо продолжать поиск. Круговорот лиц. Колокольня старого православного храма. Среди

общей сизости странно и сказочно золотятся купола. Перезвон врывается в пространство уставших улиц, пытаясь успокоить, наполнить таинством вибраций. Кто-то останавливается наложить крестное знамение, губы шепчут молитву. А он ищет глаза и видит, как их наполняет покой, благодать, смирение, покорность. Но вновь не то и не так, и он ищет. Замерзли руки в промокших перчатках. Волосы прилипли ко лбу. Мешают вглядываться. Навстречу – веселая группа подростков, его сверстников. Громкий разговор, резкий смех, переходящий в визг, смешные взмахи рук. А он остановился, застыл, смотрит в глаза. Вот. Вот. Но... Кокетство, лукавство, вызов, бесшабашность, задор. Игры молодости. Он сворачивает в маленький

районный парк. Опустевшие карусели жалобно скрипят цепями, покинутые детские горки. По нечищеным дорожкам, поддерживая друг друга, прогуливаются пожилые люди. Глаза, глаза. Растерянность, обида, страх, боль. Почти стемнело. Серп Луны врезался в небо и затих, а рядом далекий, зовущий отсвет Венеры. Небо очистилось беспредельностью. Он устал. Пора домой. Завтра он снова будет искать глаза. Глаза, наполненные мудростью и знаниями тысячелетий, глаза, отражающие свет звезд, глаза, полные сострадания и любви. Глаза, в которых решительность. И уверенность в Победе Света. И он их найдет, потому что просто знает об этом.

**Джонатан
КИМЕЛЬФЕЛД,**
13 лет
г. Москва

Оказывается, лиса – ближайшая родственница волка. Только поменьше. Водится везде – что называется, «от полюса до полюса». Самый распространенный вид – это рыжая лисица. Окраска ее знаменитой пушистой шубки меняется с севера на юг от светло-каштановой до огненно-рыжей, брюшко черное или белое, хвост нередко украшен белым кончиком. Всего известно 48 подвидов рыжей лисицы. Много!

Оказывается, слухи о том, что лиса – главный враг зайцев – выдумка. Рыжая, конечно, не против, но где ей угнаться на своих коротких лапах за этим бегуном! Другое дело – поймать зайчонка или даже косуленка. Но главный лисий корм – мыши и прочие мелкие грызуны. Они составляют до 80% лисьего рациона. Кстати, лиса и растительной пищей не брезгует – дикими яблоками, грибами, ягодами. Особенно она уважает оранжевые «яблочки» созревшего ландыша.

Оказывается, лисы – заботливые родители. Когда у них подрастает молодняк, парочка трудится день и ночь, добывая корм. Вокруг норы на несколько километров они подчищают буквально все – заваливающего мышонка не същешь!

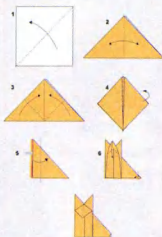
Оказывается, лисы «усыновляют» осиротевших лисят. Их выкармливают вместе с родными детками. Вдовая лиса принимает «отчима» – и он тоже заботится о пасынках.

ЛИС ЦАХ

Мастерская

Фигурку лисицы сложить не трудно, если вы будете следовать схеме. Лучше взять листок рыжего цвета — получится похоже!

Третьяковская
«Вспоминается...»

Дж. Морланд.
Охота на лис.

Оказывается, лиса и правда очень хитра. В минуту опасности она мастерски притворяется мертвой — как в народной сказке. А как она вылезает из норы барсука? В открытой драке ей ничего «не светит», и она берет хитростью. Стоит барсуку отлучиться, как рыжая влетает в его нору и делает там то, что делают в наших подъездах хулиганы. Чистюля-барсук все убирает. История повторяется до тех пор, пока брезгливый барсук не оставит нору.

Оказывается, в неволе лисица живет 10-12 лет и даже больше. В природе лисий век — 2-3 года. Четырехлетки среди вольных лис — большая редкость. У нее ведь немало врагов — волки, рыси и особенно — крупные хищные птицы.

Оказывается, в период сватовства самцы исполняют перед избранницей «показательный танец» — встают на задние лапы и ходят мелкими шажками. Кстати, фокс-рот переводится как «лисий шаг».

Оказывается, лисы легко уживаются рядом с людьми. В Бирмингеме их постоянно отлавливают и отвозят в лес. А они снова возвращаются! Ну, а «Патрикеевной» лису называли в честь князя Патрикеева Наримунтовича. Хитрюля был наипервейший!

Великолепный

ДАМАСК

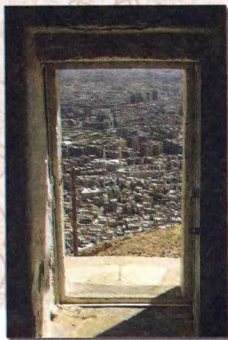
Леонид КЛЕПИКОВ

Дамаск – город контрастов. И сразу же хочется рассеяться, припоминая решительную тетку из «Брильянтовой руки». Но что тут поделаешь, если Дамаск и правда набит контрастами, как старинная шкатулка очаровательными диковинками не вполне понятного назначения. Здесь все контрастно – необозримая горизонталь плоских крыш и острые перпендикуляры высоких минаретов. Древние развалины, которым несколько тысячелетий, и современные городские микрорайоны. Прямая, как стрела, центральная магистраль и улочки-щелочки старой части города, на которых не то что машинам разъехаться – двум пешеходам не разойтись. И все это несколько не режет глаз и не противоречит друг другу. Наоборот, бесчисленные контрасты лишь оживляют гармонию, витающую над древним Дамаском. Как это получается, одному Богу известно.

Возможно, всему «виной» время. За долгие тысячелетия, неслышно пролетевшие над Дамаском, иступились все острия и спрямились все мучительные зигзаги, которые так любит коллекционировать история. Город и правда уникальный. Подумать только, Дамаск – самая древняя из «действующих» столиц мира. Но город стоял и раньше. Он упоминается в египетских надписях, возраст которых – почти четыре тысячи лет.

Немало строк посвящено Дамаску в Библии. По библейской легенде, город основал правнук легендарного Ноя, спасшего человечество от потопа. Это в окрестностях Дамаска впервые пролилась кровь. На склоне горы Касйон Каин убил Авеля. Пещера – немой свидетель убийства – содрогнулась и закричала от ужаса. Туристам и сегодня показывают «горло пещеры», так и не сомкнувшееся с тех пор.

Бывали в Дамаске и сподвижники Иисуса Христа. Апостол Павел

бежал отсюда от преследователей, спустившись с высокой городской стены в плетеной корзине. В величественной мечети Омейядов, перестроенной из древнего христианского храма, хранится голова Иоанна Крестителя. В Дамаске проповедовали святой Анания и Симеон Столпник.

Как интересно рассматривать древние постройки Дамаска! Что ни башня, что ни участок городской стены, то и каменная «рентгенограмма» истории. Давайте пройдемся по древней улице Баб аль-Барид. Серые мраморные колонны – это все, что осталось от храма Юпитера, возведенного в III веке римскими зодчими, пришедшими сюда вслед за легионами Гнея Помпея. Раньше на этом месте находился арамейский храм. Потом в Дамаск пришли византийцы. Они перестроили древнеримский храм в христианскую церковь Иоанна Крестителя. Следом явились арабы – и возникла каменная сказка мечети Омейядов – третьей по значимости в мусульманском мире.

Несколько сменявших друг друга цивилизаций переплелись, прорастали друг в друга, как завитки неповторимых арабесок. И получился удивительный узор сирийской истории.

Хотите знать, какая самая главная достопримечательность древнего города? Рынки. Здесь, у скрещения старинных караванных путей, торгуют несколько тысячелетий подряд. Для паломников, направлявшихся на хадж в Мекку, Дамаск был последней остановкой перед изнурительным переходом через Аравийскую пустыню. Они закупали здесь все необходимое, оставляя немалые деньги. Знаменитейший из дамасских рынков – аль-Хамидия. На нем можно купить все, чем богат Восток, – кальяны, пряности, благовония, пестрые покрывала, чеканку, эмалевые миниатюры, ювелирные украшения... Место на рынке передается по наследству, от отца к сыну: торговец – профессия фамильная и весьма почтенная.

А теперь – про одну удивительную, до сих пор не разгаданную тайну Дамаска. Читали Вальтера Скотта – как Ричард Львиное Сердце мерялся оружием с Саладином? Ричард одним ударом двуручного прямого меча разрубил рукоять стальной булавы. В ответ Саладин взял шелковую подушку, поставил ее на ребро и замахнулся саблей: «Лезвие сабли скользнуло так молниеносно и легко, что подушка, казалось, сама разделилась на две половины, а не была разрезана». Пораженные крестоносцы сочли это за фокус, но Саладин, чтобы окончательно «добить» их, подбросил мягкий вуалевый платок – и рассек его в воздухе.

Дамасская сталь, друзья мои! Выкованные уметлыми кузнецами-оружейниками сабли, мечи и кинжалы считались лучшими в мире. Они были невероятно гибкими и такими же прочными. Разгадать секрет дамасской стали не удалось никому.

«Эх, прокачу!
Кто смелый?»

Все богатства
Востока

Памятник
Саладину

Мои

рыцарь

Так получилось, что я дружу одновременно с двумя мальчиками. Только не подумайте ничего плохого. У нас нормальная дружба с «оттенками» любви. Это – когда мы втроем. Оба лезут из кожи вон, чтобы завоевать мое внимание. Тут «оттенков» хватает – и подарочки, и приглашения на что только пожелаешь – от концерта до кафе и дискотеки.

А когда я остаюсь с кем-нибудь одним из них, то начинается такое... Думаете, ревность? Ничего подобного! Один раз я сказала Вадиму (мой рыцарь № 1), что хотела бы попить, так он мне знает, что ответил? «Вон кран, иди надуйся!». Саша (рыцарь № 2) – тот еще и похлеще завернет. Получается не любовь, а какой-то чемпионат на первенство меня. Девочки еще и завидуют. Было бы чему!

Вероника СВЕТЛАКОВА, г. Котлас

Хочешь получать «ПИОНЕР»?

Для тебя – все виды подписки. Выбирай!

Журнал можно выписать по одному из каталогов, которыми вы привыкли пользоваться. Подписка с началом приходит к вам, как только деньги за подписку поступят на наш счет.

НО УДОБНЕЕ И ВЫГОДНЕЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ ИЗ РЕДАКЦИИ. ПЛАТИТЬ ПРИДЕТСЯ МЕНЬШЕ, А ЖУРНАЛ БУДЕТ ПРИХОДИТЬ РАНЬШЕ.

Переведите оплату за выписанные номера на наш расчетный счет через любой банк. Стоимость одного экземпляра в 2009 году вместе с пересылкой – 40 рублей. В течение года цена не меняется.

Заполненную карточку и ксерокопию квитанции об оплате пришлите в редакцию. По вашему желанию заверенная печатью редакции копия карточки будет отправлена вам одновременно

с первым выписанным номером журнала. «Пионер» начнет приходить к вам, как только деньги за подписку поступят на наш счет.

Если вы выписывали журнал из редакции не меньше года, вам предоставляется скидка 10%. 2 года и больше – 15%.

ВНИМАНИЕ!

На первое полугодие 2010 года сохраняется действующая цена

КАРТОЧКА

редакционной подписки на журнал «Пионер»
(действительна с квитанцией об оплате)

Стоимость подписки на 2009 год (включая пересылку)

Простым письмом (пакет):

Один номер – 40 р.; на 3 мес. – 120 р.; на 6 мес. – 240 р.

Адрес подписчика: _____

Фамилия, имя, отчество: _____

Прошу прислать следующие номера журнала «Пионер»:

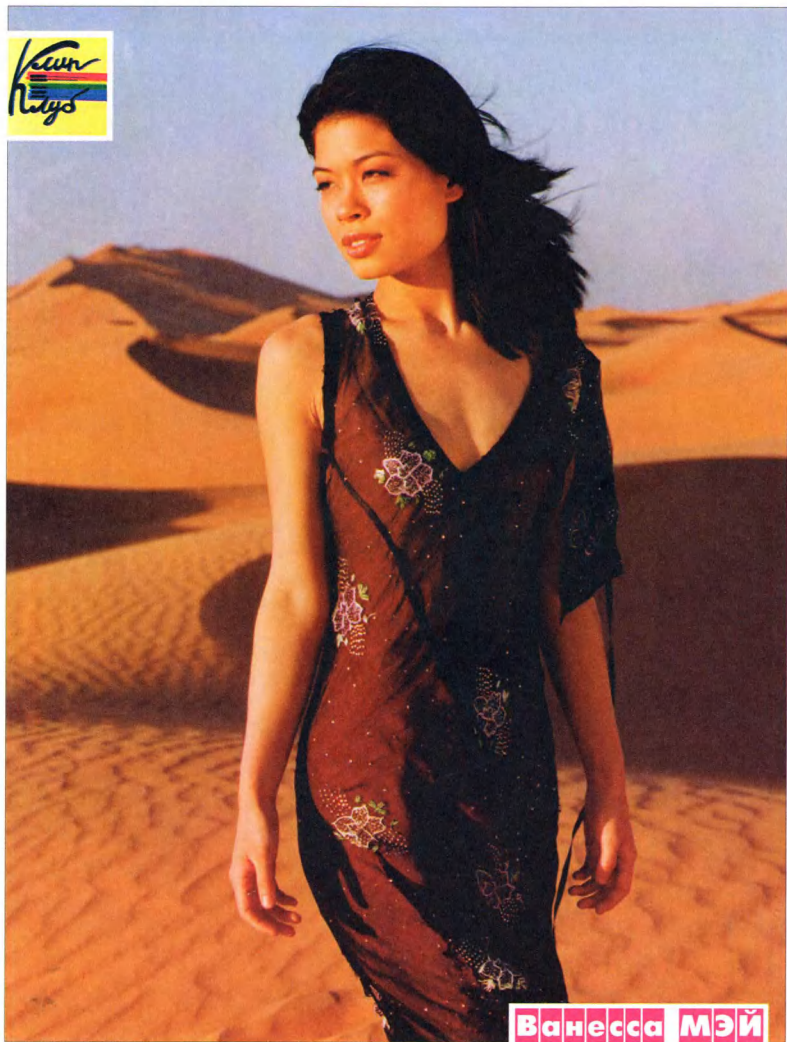
№	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Кол-во												

Всего номеров _____ Сумма _____ руб.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»

Получатель: ООО «Редакция журнала «Пионер»
ИНН 7714077516. Р. счет 40702810038090109809 в
Мещанском ОСБ № 7811 Сбербанка России г. Москва
Кор.сч. 30101810400000000225 БИК 044525225

Ванесса МЭЙ

Клипп-роп

Есть в Удмуртии районный центр Малая Пурга. Но если имеется пурга, то должен быть и буран. Есть такое село! Называется – Бураново. А в нем – удивительный ансамбль, состоящий из очень симпатичных бабушек, большинству из которых уже за 70. Этот ансамбль так и называется – «Бурановские бабушки».

Пюют бабульки на удмуртском языке. И пюют замечательно. А главная «фишка» – песни из репертуара Гребенщикова, Цоя,

БУРАНОВСКИЕ БАБУШКИ

«Битлз». Слышали? Бабульки едва не пробились на конкурс «Евровидения». Чуть-чуть не хватило!

А победил Петр Налич. Вот уж кто утер нос продюсерам и жадным телевизионщикам, требующим за «раскрутку» нового музыкального коллектива не маленьких денег! Громким успехом группа обязана интернету. Ребята собственными силами сняли клип – прямо у себя на квартире, простенькой видеокамерой. А получилось – хоть куда. За месяц «Guitar» – так называется неожиданный хит – послушали и скачали более 700 тысяч человек. Петр не возражал: скачивайте, если нравится, денег не надо.

А потом оказалось, что и, кроме «Гитары», группе есть что показать. Спецы говорят, что Петру Наличу и его музыкантам на «Евровидении» ничего не светит – формат не тот. Но Налич не боится.

А ЧЕГО БОЯТЬСЯ?

«YESTERDAY» ПО-БУРАНОВСКИ

АУКЦИОН С ЛЕОНОЙ

В Европе принято, чтобы популярные личности, в том числе и звезды шоу-бизнеса, приходили на помощь нуждающимся – бездомным, сиротам, одиноким старикам, жертвам стихии. В их пользу устраиваются сборы пожертвований, благотворительные концерты, различные акции.

Вот и на этот раз, когда мощное землетрясение разрушило островное государ-

ство Гаити, многие музыканты откликну-

лись на беду. «Мужество жителей Гаити поразило и вдохнови-

ло меня. Последствия стихийного бедствия разрушительны. Я хочу сделать все, чтобы помочь несчастным людям», – заявила певица Леона Льюис и... выставила себя на «аукцион». С тем из фанатов, кто передаст наибольшую сумму в фонд помощи пострадавшим, Леона проведет вечер. Поеужинает в ресторане, покажется на лошадах, сыграет в боулинг. Тоже, понятное дело, за счет счастливчика. Ставки все растут!

Хеви-металл жив! Во всяком случае, это лишний раз решила доказать легендарная группа «Iron Maiden». Монстры «тяжелого железа» выпускают свой пятнадцатый по счету студийный альбом, получивший название «The Final Frontier». Его презентация намечена на лето нынешнего года.

Что будет на пластинке? Секрет. В ответ на все расспросы музыканты напускают на себя таинственный вид и отшучиваются. Говорят, что новая работа куда интереснее предыдущей, выпущенной в 2006 году пластинки «A Matter of Life and Death».

Такой долгой паузы в творческой карьере груп-

НОВЫЙ АЛЬБОМ

пы не было еще никогда. До этого «Iron Maiden» выпускали новые проекты примерно один раз в два с половиной года. Интересно будет послушать, что получилось!

ТУДА...

ХИТ

... И ОБРАТНО

Тексты и переводы песен популярных зарубежных певцов и групп

All I Could Do / Все, что я могла

I heard church bells ring
I heard a choir singing
I saw my love
Walk down the aisle
On her finger
He placed a ring
I saw them holding hands
She was standing there
With my man I heard
Them promise till death do
Us part each word
Was a pain in my heart
All I could do
Was cry (cry cry cry)
All I could do
Was cry (cry cry cry)
I was losing the man
That I love and all
I could do was cry
And now the wedding
Is over the rice, rice
Has been thrown over
Their heads for them life
Has just begun
But mine is ending
All I could do
Was cry (cry cry cry)
All I could do
Was cry (cry cry cry)...

Я слышала звон колоколов.
Я слышала пение хора.
Я видела: спешит моя любовь
К ней – не ко мне –
Между рядами кресел в храме.
Вот он на пальчик ей
Надел кольцо.
И крепко пара за руки взялась.
Они стояли там –
Она и он, мой парень.
Я слышала, как они клялись
Не разлучаться вплоть
До самой смерти.
И слово каждое – такая боль!
И так жестоко ранят сердце.
Что я могла? Лишь только плакать.
Плакать, плакать, плакать.
Так я теряла парня,
Которого любила.
Но что я могла?
Лишь только плакать.
Ну, вот и все.
Венчание конец.
Взлетели зерна
Над головами молодых.
Их жизнь – в начале.
Ну, а мой – конец.
Что я могла? Лишь только плакать.
Плакать, плакать, плакать...

Подарок Ольге
ЗЕРНОВОЙ
из г. Чистополя.
А лично ты хочешь,
чтобы мы какую
песню перевели?

Тексты
песен даются
в свободном
переводе и не
ложатся на
музыку

ПЕСЕННИК

БЕЙОНСЕ

Курс "АЛМАЗ"

Острый внимательный взгляд Николая Андреевича Римского-Корсакова направлен на открытую страницу толстой партитуры. Что он там обнаружил – ошибку? Студенты побаиваются Николая Андреевича. Внешний облик его суров, да и в общении он суров, неразговорчив. Все знают, что четкий распорядок дня для Николая Андреевича превыше всего. Каждому заданию для студентов он выделяет определенное время, а потом спрашивает результаты работы. Нет у профессора любимичиков, и особенно трудно приходится тем, в ком Николай Андреевич приметил значительное дарование. С таких и спрос строже.

У Римского-Корсакова был ученик – Анатолий Лядов. Очень талантливый, но с ленцой. Часто был небрежен на занятиях, ни одной работы не доводил до конца. Профессор потребовал отчислить Лядова из консерватории. Лядов потом просился обратно, но Римский-Корсаков был неумолим: «Лентяям в консерватории не место». Пришлось будущему знаменитому композитору учиться заочно и экстерном защищать диплом.

За спиной у строгого профессора шепчутся: «А что вы хотите – моряк. Думает, что в консерватории должны быть порядки, как у него в Морском корпусе. Еще и пороть начнут!». Николай Андреевич действительно закончил Морской корпус и кое-какими своими привычками обзавелся именно там. В Корпусе не жаловали двсечников. Не успел за неделю исправить плохую оценку – изволил в субботу перенести постыдную порку. А уж практические занятия у будущих-гардемариннов были такими, что их «сухоплутным» сверстникам и не снилось.

Домой четырнадцатилетний Ника – так звали

Сергей
ДОНЦОВ

...и «Долет имели»

его родные – писал: «Завтра у нас опять пальба, будем крепить крьюсель, спускать брам-реи. Эти учения веселые, хотя устаешь жестоко.

Крепишь крьюсель, не держишься ни за что, а стоишь на тропях (веревках, висящих снизу рей), а грудью лежишь на рее. И обе руки заняты работой!»

Через несколько лет на паруснике «Алмаз» молодой капитан-лейтенант совершит кругосветное путешествие, побывает у берегов Америки.

Он умел лихо лазать по мачтам, управлять парусами, смолить борта судна, грести в шлюпке. Ничего этого композитору Римскому-Корсакову впоследствии не пригодились. Зато пригодились другие – привычка

относиться к любому делу с полной ответственностью, без скидок, «по-флотски».

Композитор знает цену времени. Семья у него большая, семеро детей: нужны средства. Ему приходится, кроме консерватории, служить еще и инспектором оркестров морского флота. Казалось бы, вся его жизнь четко спланирована на годы вперед. Но случилось несчастье. Умер друг Николая Андреевича – композитор Мусоргский.

Когда-то в молодости гардемарин Римский-Корсаков и бывший офицер-гвардеец Мусоргский познакомились в музыкальном кружке М. Балакирева (знаменитая «Могучая кучка»). Оба только-только начинали писать музыку, обоим нравились одни и те же композиторы. Да и по возрасту они были близки. Римский-Корсаков шутиливо называл друга «Мусорянином», а тот его – «Корсианским адмиралом». Друзья вместе снимали квартиру, где у них был один рояль на двоих.

Что можно сделать в память о друге? Исполнить его музыку на концертах, издавать ноты. Но неужи-

данно выяснилось, что за последние годы Мусоргский... не закончил ни одного произведения! Все осталось в черновиках, набросках, музыкальных эскизах.

Винский-Корсаков понимал, что в отрывках и набросках ушедшего товарища «дремлет» гениальная музыка. И он взялся за обработку черновиков, чтобы эта музыка звучала для всех. Как будто они вместе стояли на корабельных тропях его «Алмаза»...

Пять лет Николай Андреевич занимался только творческим наследием Мусоргского. За эти годы он не написал ни одной своей оперы, зато восстановил (а частью и дополнил) оперу «Хованщина», переработал сюиту «Ночь на Лысой горе» и многое другое. «Мне иногда кажется, что меня зовут Модестом Петровичем» – признавался композитор.

Когда работа была, наконец, закончена, когда все нотные листы заняли свои места в папках, а партитуры были приведены в полный «флотский» порядок, когда дирижеры получили в руки идеально прописанные партитуры, музыкальный мир, и не только в России, пришел в изумление. Оказывается, Мусоргский был гениальным, поистине блистательным композитором. Но узнали об этом только после его смерти – благодаря трудам и стараниям верного и благородного друга. Оперы и симфонии Мусоргского давно стали классикой, они идут на сценах театров всего мира.

Однажды Николай Андреевич, пригласив в гости друзей-музыкантов, сыграл им на рояле отрывок из своего нового произведения. Он хотел узнать, догадаются ли слушатели, какую картину он «нарисовал» своей музыкой. После обсуждений и споров друзья пришли к выводу, что прозвучавшая музыка воссоздает «ясную, но холодную звездную ночь и безмятежную тишину». Угадали! Это было вступление к новой опере Римского-Корсакова «Ночь перед Рождеством».

Как никто другой, Римский-Корсаков умел музыкальными средствами воссоздавать картины природы – прохладный летний вечер в российской глубинке или звенящий зной библейской пустыни. И все же лучше всего ему удавалось море. Бурное и тихое, в тропических широтах и у полярных берегов. Он «писал» его таким, каким любил и помнил.

Неистощимую музыкальную фантазию Римского-Корсакова привлекали и другие сюжеты. Помните, как звенит и вьется его шмель? Если музыкант без ошибок справился с «Полетом шмеля», – можно смело присваивать ему высшую категорию.

Николай Андреевич – замечательный музыкальный «сказочник». Из пятнадцати его опер большинство – сказки: «Снегурочка», «Садко», «Сказка о царе Салтане», «Золотой петушок», «Кашей Бессмертный». В каждой волшебство, фантазия. Тут и ведьма, летающая на помеле, и черт, ворующий с неба месяц, и князь Гвидон, и подводное царство. И все это записано точечками, черточками и завитушками, которые на пяти линейках расставил в нужном порядке строгий профессор.

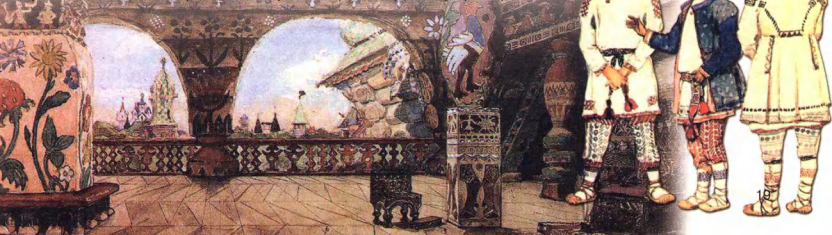

*Рояль
композитора*

**В.Серов.
Портрет
композитора
Н. А. Римского-
Корсакова**

*БЕРЕНДЕН. Эскиз
декораии и
костямов к опере
«Снегурочка»*

Борис
Яроцкий

СОЛЕНА

Художник
Алексей ОСТРОМЕНСКИЙ

*Продолжение.
Начало в № 2*

КОРОВА, СТАВШАЯ НАШЕЙ

Мы, уставшие до изнеможения, брели по косогору, то и дело натыкаясь на острые, как гвозди, пенки бурьянов: ранней весной здесь горела прошлогодняя трава. Гибель коровьего стада меня так потрясла, что я не ощущал боли, натыкаясь босыми ногами на острые пни.

Я почему-то больше думал не о гуртовщице, раненом в руку. Я думал о корове, из бедра которой сегодня ночью вытащил осколок. В свете утренней зари луна, все еще висевшая над степью, мне казалась бледным воздушным шариком, ниткой зацепившейся за легкое белесое облачко. Еще час назад я впервые увидел, что коровы, как и люди, умеют плакать.

— Умерла, наверное, — сказал я брату.

Он тоже, наверное, думал о раненой, иначе отозвался бы сразу. Мы уже прошли порядочное расстоя-

ние и стали спускаться в балку. На склоне горы темнел старый обширный терновник.

Из балки тянуло утренним холодом. Брат принялся потирать голые плечи. Своей рубашкой он подвязал гуртовщику раненую руку.

Чем дальше мы спускались в балку, тем становилось холоднее. Повсюду — на траве и на кустах — обильная роса.

Мы вернулись к месту, где оставили раненую корову. Но там ее уже не было.

— Когда же успели забрать? — спросил себя брат, с недоумением рассматривая вымоину, где недавно врачевали корову. Вокруг трава была истоптана копытами. Я шарил глазами по траве, как будто искал букашку.

Брат смотрел в сторону терновника и вдруг за всю эту тревожную ночь впервые улыбнулся:

– Гляди!

В отдалении паслась самостоятельно вставшая на ноги «наша» корова. Мы побежали к ней. В мыслях я ее уже называл *нашей*. И в самом деле, она теперь принадлежала нам. Сам гуртовщик сказал: «Возьмите себе. Не пожалеете».

Корова нас не испугалась. Даже не посмотрела в нашу сторону. Она увлеченно паслась – поедала траву, словно косила, – в обе стороны. Рана на ней – сейчас я лучше рассмотрел эту рану, из которой вынули осколок, – была ужасной: шириной с ладонь моей руки. Сочилась уже не кровь, а сукровица. На ране образовалась пленка, и по ней бегали большие изумрудные мухи.

Некоторое время мы с братом наблюдали, как пасется корова, но не знали, как к ней подступиться. Когда-то я видел, как мой друг Колька знакомился с козой Нюшкой – в тот день они ее купили: Нюшку он прикармливал хлебом с солью, и на следующий день она за ним бегала, как собачонка.

Мы с собой не захватили ни хлеба, ни соли, а прирывать все равно нужно было.

– А как мы ее назовем? – спросил я брата. – У нее наверняка имя какое-то есть.

– Есть, конечно, – сказал брат. – Но теперь, наверняка, не узнаем.

– Вот Колька назвал свою козу Нюшкой. Залезет на террикон и зовет: «Нюшка! Нюшка!» – она к нему карабкается, как человек.

Брат ласково глядел на корову, усмехался:

– Эта скотинка на террикон не полезет, слишком большая.

– И все равно надо же как-то назвать.

Брат молчал. Он думал. Он тоже понимал: глупо, если у живого существа нет собственного имени. Он не любил что-либо доказывать, если нет своего мнения. А тут надо было придумать корове имя. Он не любил отвечать тотчас, когда нужно было сначала хорошенько подумать.

Он принялся рассуждать:

– Мы ее нашли на горе Солёной. Так? Так. Гора большая – и корова тоже большая. Вот и назовем ее в честь этой горы.

И мы назвали корову Солёной.

Уже припекало солнце, когда мы пригнали Солёну к реке в неглубокую тихую заводь с песчаным дном. Корова осторожно зашла в воду и, раздувая ноздри ярьку, принялась пить. Пила долго, с перерывами. Поднимала голову, как бы убеждаясь, что мы рядом, теперь ее одну не оставим. Паслась, далеко не отходя.

Солёна оказалась коровой понятливой. Стоило показать хлыстик, как она поднимала голову и послушно шла, куда мы велели.

Нам давно уже надо было быть дома, а мы щадили раненую, давали ей пастись, гнали осторожно. Добрались домой только в полдень.

Для мамы наша находка оказалась полной неожиданностью. И очень приятной. Мама завела ее в загородку, где отдыхали куры, принялась за ней ухаживать:

развела марганцовку, приготовила пластырь, наложила на обе раны, в корыто накрошила перезревших огурцов – сделала поило, потом помыла вымя, попыталась доить. Солёна охотно подпустила маму к вымени. В цыбарку брызнули две молочные струи, и мне они показались веселой и бодрой музыкой.

Корова была крупной. Пришлось хлев расширить за счет курятника. Хлев утеплили, обмазали глиной.

– А куда курей?

– Зарежем, – предложил брат. – Все равно от них никакого толка.

Галья плакала, ей было жалко четырех курочек и петуха. Куры хоть изредка оставляли в гнезде одно или два яйца, а петух, красивый и драчливый, только и знал, что горланил свое *кукареку*.

Брат Лёна с кружкой в руке крутился около коровы, заглядывая ей в большие темные глаза, говоря: «Му-му, ам-ам. Лёне мони». Это означало: корова кушает, значит, Лёна хочет молока.

УМНАЯ СКОТИНКА

Когда мы с братом ломали курятник, чтоб расширить хлев, в наш двор прибежал Колька, а с ним и коза Нюшка. Она первой заметила корову, стоявшую в загородке и поедавшую свекольную ботву. Увидев большую рогатую незнакомку, коза остановилась, затрясла бородой, стала медленно, бочком приближаться к ботве.

Корова недовольно качнула рогами – Нюшка мигом отскочила. Но уже через минуту, не обращая внимания на острые рога, присоседилась к незнакомке и как ни в чем не бывало принялась поедать ботву, хватая листья посочнее.

Колька с восторгом осматривал корову.

– Купили?

– Нашли.

– Такое добро на дороге не валяется. Откуда она у вас?

– Видишь раны? Под бомбежкой уцелела.

Колька посмотрел на меня с великой завистью. Еще бы! В нашей семье, как по волшебству, оказалось такое богатство – необычное животное. Он вслух восхищался, что корова крупная, красной масти, с острыми рогами. У нее было большое вымя с четырьмя сосками, и каждый сосок в руке не вмещается. Вот молока будет!

– Вы ее уже назвали?

– Назвали, – гордость из меня выпирала. – В честь горы Солёной.

Колька скривился, как будто раскусил яблоко-дичку: не понравилось ему название, дескать, такое имя корова никогда не запомнит.

Кольку я поделел к корове, ласково говоря:

– Солёна, Солёна.

Она нюхнула меня в ухо.

– Понял? Отзывается.

Я с гордостью показал Кольке раны, полученные коровой при бомбежке.

- А осколок был с ладонь...Сам вытаскивал.
- Ты?
- Я.
- Побожись.
- Как?
- По-цыгански.
- Чтоб меня громом побил об сухую дорогу!

Брат Володя, занимаясь хлебом, не мешал мне хвастаться, но и не давал увлечься.

- Вы лучше поковыляйте.

Мы стали помогать брату, но тут Колька заметил, что в хлеве, где будет жить корова, нет яслей. Ясли когда-то были, но брат их сломал: доски оказались гнилые. Да и надобности в яслях не было.

До войны родители пропадали на работе: отец уходил утром рано, он работал директором школы, мама вела младшие классы, возвращалась в полдень, готовила обед, потом кормила всю нашу ораву. Потом старшему брату давала задание. Володя брал ведра и уходил на огород – поливал огурцы, помидоры, капусту. Я бежал в магазин за хлебом (перед войной хлеб мы получали по списку) или же присматривал за Лёней и Галей. До моего возвращения из школы малышей нянчила бабушка Таня – она жила по соседству. Так что ни до какой заготовки стройматериалов у нас не доходили руки.

Та спокойная размеренная жизнь исчезла в первый же день войны. В школу уже не ходили – в ней разместились госпиталь. Мама помогала госпитальным прачкам – стирала бинты и халаты.

С появлением Солёной жизнь моя круто изменилась. Я стал полноценным пастухом настоящей коровы. Отныне достаток в доме во многом зависел от меня, от моего старания. И я не заметил сам, как всего лишь в несколько дней заметно повзрослел.

Я уже любил нашу корову, как дети любят самую дорогую игрушку. И еще, что меня радовало, Солёна была смиренного нрава и меня понимала, как человек, только что говорить не умела. Покажу ей корень свеклы, позову: «Солёна, Солёна» и она бросает щипать траву, направляется ко мне.

– Корова умная, – с восторгом говорил я Кольке. – А знаешь, почему? Потому что в Москве побывала на выставке достижений народного хозяйства. А туда глупую скотину даже близко не подпустят.

Колька почему-то сомневался, что корова быстро стала откликаться на свое новое имя. Он взял огурец покрупнее и позвал:

- Красная, Красная, иди ко мне.

И корова пошла, витая шею. Откликнулась она на любое слово, если держать в руках что-то съестное и вкусное.

Сначала мы таскали огурцы из нашего огорода. Потом Колька куда-то мотнулся. Вернулся нескоро. Притащил чуть ли не полмешка перезревших огурцов, видимо, оставленных на семена.

– Ты паси Солёну, а заодно и Ньюшку, а я займусь яслями, – и опять он надолго исчез.

Уже перед вечером Колька принес доски – толстые, струганные. Доски добротные, как будто специально заготовленные для яслей.

– Откуда? – строго спросил Володя.
– Нашел, – коротко ответил Колька, нахально глядя в глаза моему брату.

- Смотри, если стащил...

В этот момент к нам зашел Петя Дырка, Володин товарищ. У Пети, конечно, была настоящая фамилия, но все его называли по прозвищу. И оно ему очень подходило: Петя свал нос в любую дырку, и за это ему часто перепало от взрослых. Зато он все знал, и когда увидел доски, которые притащил Коля, сразу определил:

- Тридцатка. Из сарая деда Голяки.

Петя принялся помогать Володе, но прежде снял рубашку, чтоб не порвать, хотя вся она была в заплах, занялся яслями. Колька стоял тут же и сиял от удовольствия.

- Ну, как досточки? Хватит на ясли?
- Вполне.

Когда ясли были сколочены, туда бросили охапку свежей травы. Я завел Солёну в хлев, корова принялась рыться в траве, но скоро отвернулась. Этот корм ей показался не съедобным.

– Ей бы свеколки, – посоветовал Петя, – она бы враз к столу привыкла.

Свежая свекла пока еще росла в огороде, и мы ее поливали, как цветы. А вот перезревшие огурчики нашлись.

Судя по тому, как Солёна принялась за овощи, было видно, что новые ясли ей понравились.

Удивился Лёня, увидев, что курятник мы превратили в хлев, развел руками.

– Ко-ко ма! – это означало, что курятника больше не существует.

– Зато будет молочко, – чуть ли не жестами объяснил я своему младшему брату.

- Поддержал наш разговор Петя.

– Правильно. Курицу надо кормить зерном, а зерно вы и сами съедите.

Петя имел в виду кукурузу. Мы ее высыпали на раскаленную плиту, брызгали на нее холодной водой. Кукуруза лопалась – получались «баранчики». В отличие от жареных семечек, с них не нужно было слезывать шелуху – развернутые зернышки кидали на крепкие зубы. Получалось вкусно и сытно.

– Курей порежете, – говорил Петя. – Галушек наварите, наедитесь.

- Галя, стоявшая поблизости, – в слезы:

– Не надо резать курочек!
– Ладно, не будем, – пообещал Володя. – Зарежем петуха.

- И петушка не надо.

– Хорошо. Для курочек мы поставим шесток. Они там будут спать, а утром петушок всех нас разбудит, и тебя в первую очередь.

Галя прекратила рев, вытерла кулачком слезы, принялась за свои куклы.

КАК ДЕД ШПЫЧКО ВРАЧЕВАЛ

Вечером мама привела к нам деда Шпычка. Он обошел корову, словно собирался ее покупать, корявыми пальцами залез ей в рот, заставил Солёну показывать зубы.

— Сильная, — сказал он, сдвинув на затылок белый полотняный картуз. На нем был вытертый до блеска суконный костюм и серые кожаные туфли. Зимой и летом он носил вязанные шерстяные носки, под пиджак подвешивал заячью шкурку, как говорил он, чтоб не стреляло в поясницу.

Дед Шпычко занялся врачеванием. Он навел ведро марганцовки, промыл раны, примерно так, как это делала мама. Мне сказал, чтоб я промывал три раза в день и не давал мухам садиться на раны.

— Иначе пойдут черви, — предостерег он. — А коровка — создание божье. Вам, Ивановна, — говорил он матери, — повезло. Нынче время пакостное. При такой коровке будете с молочком.

Долго он массажировал вымя, при этом не молчал. — Пусть вас не смущает, молочко она присушила. По причине ранения.

— Значит, доить нельзя? — спросила мама.

— Почему же... Сколько даст...

Отказавшись от заслуженной трешки, дед признался:

— Ладная скотинка.

К нашей общей радости, мама взяла подойник, вымыла его горячей водой, сняла с веревки полотенце, насухо вытерла вымя. Я вынес скамеечку, на которой катал дробь. Сидя на скамеечке, доить было удобней.

Всей семьей — Володя, Галя, Леня и я — с затаенным дыханием смотрели, как мама доит корову. Вечерело. В хлеву было сумрачно. Корову привязали к яслям. В ясли мы заранее положили самую съедобную траву — пырей и люцерну. Мы знали, что скотина ведет себя смиренно, когда ясли полные вкусной травы.

Я не однажды наблюдал, как тетя Нюра — Колькина мама — доит Нюшку. Козочке выносят большую миску поила, и пока она ест, выбирая, что повкусней, тетя Нюра успевает надоить литровую банку молока.

Но Солёна — не коза. Если ей принести поило, то нужно целое ведро, а если давать свеклу, то надо сразу полмешка.

Мама села на скамеечку, которую я принес, осторожно теплой водой вымыла вымя. Корова стояла беспокойно, вздрагивала, боком прижималась к стене.

Четырьмя пальцами левой и правой руки обхватывала соски, а большими пальцами наживала на вымя.

Белая струя била в подойник, и мне казалось ведро пело тихой радостью: зык-зык, зык-зык... Такого

приятного звука я никогда раньше и не слышал. И еще, что меня приятно удивило, у этого звука был аппетитный запах. В подойнике молоко пенилось, пена поднималась, словно закипала.

- Мам, и я попробую.
- Потом. Подрости...

Это «потом» для меня наступило довольно скоро – летом сорок второго года.

ХОТИМ СБЕЖАТЬ НА ФРОНТ

Фронт медленно приближался к нашему поселку. Из-за Донца – особенно четко по утрам – доносились орудийные выстрелы, как будто кто-то под землей тяжелым молотом бил по железной вагонетке.

Немецкие самолеты появлялись над поселком чуть ли не каждые полчаса, но и наших самолетов в небе прибавилось. Увертливые, как осы, «ишачки» летали парами. Как мы догадывались, они прикрывали железную дорогу. По ней к фронту подвозили боеприпасы, и все, что требовалось для фронта.

И все же больше всего доставалось железнодорожной станции. Редко выпадал день, чтобы немец не сбросил на нее хотя бы одну бомбу. За станцией в

песках множились могильные холмики – там хоронили убитых при бомбежке.

В школе надолго обосновался военный госпиталь. Мама туда уходила рано утром, когда я только проснулся. Я быстро выпивал свою кружку молока с коржиком, заменившим ломоть хлеба, гнал корову на попас. Мама взяла за правило, когда у нас появилась корова, наливать трехлитровый бутылек для раненых.

Раны у коровы заживали быстро. Наверное, стараниями деда Шпычка. Он принес какую-то мазь. Мазь была серого цвета, вязкая, как смола, и неприятная на запах. Рану я смазывал три раза в день.

Примерно через месяц на месте раны образовался пунцовый рубец. На рубце не росла шерсть. Но рубец – это уже не рана.

Корова отпустила молоко и с каждым днем прибавляла удой. Мама надаивала два ведра в день. Нам же, для семьи, и трех литров хватало. Теперь мы на молоке варили тыквенную кашу, ячменный кисель, молочные галушки. Так что спать ложились уже не на пустой желудок – по стакану молока перепадало утром и вечером.

Я блаженствовал, гоняя на пастбище такую необычную корову. Чувствовал себя счастливым чело-

веком, стал заметным если не для всего поселка, то, по крайней мере, для всей нашей улицы.

Гордость распинала меня. Даже Колька Шкода, любивший пасти козу Нюшку, — даже он с завистью говорил мне, вздыхая:

— Корова — это вещь.

Я читал книжки про лошадей, про верблюдов и даже про слонов, — нужных в хозяйстве животных, но нашу корову нельзя было сравнить ни с каким другим животным. Ведь корова, когда всюду голодно, — великая подмога.

От отца письма давно не приходили. Я хотел ему рассказать, как это здорово, когда во дворе есть корова, а мама наддаивает каждый день по два ведра молока. В последнем письме отец сообщал, что меняется адрес полевой почты.

Мне представлялось, что полевая почта — в отличие от нашей, поселковой, — находится в поле. И если отец меняет адрес, значит, переходит на другое поле, как перегоняют комбайны во время жатвы. На одном поле бой закончили, всех немцев перебили, переходят на другое. Когда и на новом поле покончат с немцем, отец вымоет руки и сядет за письмо.

А пока за письмо садился я, садился несколько раз. Мне нужно было похвалиться, что у нас есть корова, а мама наддаивает каждый день по два ведра молока — одно ведро утром, одно — вечером.

Писем от отца по-прежнему не было. А мама мои письма, написанные, но не отосланные, видимо, читала, тайком от нас пускала слезу.

Колька пропадал у нас целыми днями. У него созрел план, как сбежать на фронт, к своему отцу. Он готов был отправиться в любой момент, но не знал, где именно воюет его отец, и некому было пасти его Нюшку. Нюшка никого не признавала, кроме Кольки, даже Колькиных сестренкок норвила боднуть, и те к своей козе близко не подходили.

— Весной убегу, — говорил Колька мечтательно.

— А Нюшку с кем оставишь?

— А я с Нюшкой. Ты думаешь, на фронте бойцы в молоко не нуждаются? А молоко, да еще козье, — оно всем полезно. В нем, говорят, есть витамины. В коровьем молоке таких витаминов нет, а в козьем — есть.

— Нет, все-таки есть и в коровьем. От коровьего молока раненые выздоравливают быстрее, — доказывал я другу и ссылался я на знакомых бойцов: еще месяц назад их заносили на носилках, а теперь уже по коридорам стучат костылями, при встрече мне улыбаются, выздоравливают, значит.

— Может, есть и в коровьем, — соглашался Колька, чтоб меня не разочаровать.

Колькина мысль — сбежать на фронт — и мне была по душе. Но расстаться с Солёной — было сверх моих сил. Эта смиренная и понятливая корова — как же она будет без меня?

Однажды — это было в январе, давили страшные морозы, — Солёна вырвалась из хлева, и побежала по сугробам, взбрыкивая. Дед Шпылко, заглянувший к нам во двор, увидел резвящуюся корову, улыбнулся в бороду:

— Застоялась.

Я тоже побежал бы вслед за ней, но тут увидел почтальона, однорукого дядю Тимоху. Он шел по улице не спеша, остановился напротив нашего двора, залюбовался коровой. У меня было к нему дело, я просил узнать адрес отца. Подбежал к нему. А он:

— Тебя адресок интересует? Запоминай: «Полевая почта. Действующая армия». Фамилию своего батка ты знаешь.

— И все?

— Все. Придет письмо, там будет обратный адрес. Вот и пиши. Ты же не Стецько-дурочок. Ты нормальный пацан. Понимаешь.

Жил у нас в поселке чудачковатый дядя Стецько. Я его помнил еще по довоенному времени. Тогда были очереди за хлебом. Никого без очереди в магазин не пускали. Не пускали без очереди и Стецька. Тогда он подходил к стене магазина, к воображаемому телефону, снимал якобы телефонную трубку, говорил, чтоб слышала вся очередь: «Дзелинь, дзелинь. Алло. Москва? Кремль? Товарищ Сталин? Это я, Стецько поселковский. Товарищ Сталин, меня без очереди в магазин не пускают. Вы разрешаете? Спасибо». Вешал воображаемую трубку, не забыв дать сигнал отбоя. И толпа перед Стецьком послушно расступалась. Коль разрешил пройти без очереди сам товарищ Сталин, тут уж иди к прилавку без очереди.

ПОДАРОК

И все же неожиданная радость пришла и к нам, точнее, ко мне. Мама сказала, что в одной из палат лежит боец, который видел нашего батка где-то на Днепре, вместе в обороне стояла.

Я еле дождался полудня, когда мне нужно было идти в госпиталь за поможью. Погода в этот день была сыкатной. С юга, от Азовского моря, всю ночь дул мокрый, порывистый ветер. После продолжительных морозов наступила оттепель.

Дорога, заспанная конским навозом, почернела. Обнажилась земля, и армейские лошади, даже самые сильные, с потугами тащили сани. Зато полугорки, разбрызгивая грязь, шли еще ходчее.

В высоких тополях школьного двора громко кричали галки — первыми почуяли наступающую весну.

У меня тоже было весеннее настроение: сегодня я увижу бойца, который на Днепре воевал в одной роте с моим батком.

В госпитале меня уже хорошо знали, и в палату пропустили без всякой задержки. Мама только вынесла белый халат, чтоб я накинусь на плечи — был такой порядок: все врачи и медсестры ходили в белом, отличались от раненых, которые были одеты в серые халаты.

И я этого бойца увидел. Лежал он, как меня и предупредила мама, у самого окна и через маленькое зеркальце наблюдал, что делается в госпитальном дворе. Боец был стрижен «под нулевку», от худобы скулат, желтая кожа обтягивала его узкое небритое

лицо, заостренный нос и слегка припухшие губы тоже отдавали желтизной. Он весь был какой-то осенний, как осиновый лист, еще не пожелтевший, но уже и не зеленый. А вот глаза... глаза его лучились и, казалось, видели все, о чем я думал.

Я думал, конечно, о подарке, который через этого бойца передал отец.

— Ну, здравствуй, гвардеец! — поздоровался со мной боец и желтой слабой рукой показал на свою койку — сюда я мог сесть.

Меня смутило и обрадовало, что он назвал меня гвардейцем. Еще зимой из газет я вычитал, что теперь в Красной Армии есть гвардейские полки и дивизии. Они били немцев под Москвой. Один такой боец, говорили в поселке, троих простых бойцов стоит. Вот бы мне, мечтательно думал я, тройную силу!

Я робко произнес «Здравствуйте» и осторожно присел на краешек постели. Грудь бойца была забинтована широкой марлевой повязкой. Так бинтовали, когда из груди вынимали пули или осколки.

— Я тебя знаю, — мягко улыбался он. — Ты носишь коровье пойло. Вы с братом спасли хорошую корову. Как ее зовут?

— Солёна.

— Может, Соленая?

— Нет. За поселком есть гора Солёна...

— Значит, в честь горы?

— Ага.

— Похвально. А у нас в батальоне служил боец Идрисов, звали его Казбеком. Есть такая гора.

— На Кавказе, — подсказал я.

— Правильно! — Боец одобрил мою подсказку. — Ты в школу ходишь?

— До войны ходил, — заявил я, — а сейчас школа закрыта.

Боец меня расспрашивал, как я ухаживаю за коровой. Я ему принялся рассказывать. Меня — это я заметил по взглядам присутствующих — внимательно слушали и другие раненные, все тяжелые. У некоторых забинтованы головы, только глаза из-под бинтов светились лаской и нежностью.

Мне не терпелось услышать об отце, а боец меня все расспрашивал и расспрашивал.

— А читать любишь?

— Ага.

— О чем больше всего?

— О путешествиях. Недавно с моим другом Колькой мы закончили «Робинзона Крузо».

— Толковый парень, этот Робинзон. Верно?

— Верно. Он понравился и мне и Кольке.

— А чем?

Я молча сдвинул плечами. Халат сполз на койку.

— Чем понравился... Да всем.

Боец сам же мне и подсказал:

— Главное, когда Робинзон остался один на необитаемом острове, он не растерялся. Иначе — все...

Я тоже так думал, но сказать не получилось. Боец дружески улыбнулся, как будто я пришел к нему в гости, чтоб только поговорить о Робинзоне. А пока мне

он о моем батьке — ни слова. Я уже спешил: на кухню госпиталя для меня было приготовлено ведро помоев, дома в хлеву меня ждала Солёна.

Наш разговор затягивался. Вот если бы в другое время, когда мне было нечего делать, я рассказал бы и про Гулливера в стране лилипутов и в стране великанов. Я говорил бы хоть до самого вечера.

— Так я пойду, — нерешительно напомнил о себе, давая понять, что у меня есть еще много других дел.

Боец с трудом шевельнул рукой, дескать, обожди, я не сказал главного.

— Открой тумбочку, — попросил он.

Я открыл. Увидел треугольники писем, почерневший от пыли и грязи зеленый шелковый кисет, книжку в голубом переплете. Книжку я узнал: стихи Лермонтова. Из точно такой книжки я разучивал стихи «Ночевала тучка золотая...»

— Там, в уголке, на верхней полочке, тебе подарок. От отца.

«Подарок от отца! Жив отец! Бьет немца!» Я принялся шарить в одном уголке, потом в другом. Есть! Моя рука наткнулась на... ножик. Это был маленький аккуратный складной ножичек с коричневой перламутровой колодочкой. Непростой ножичек: одно лезвие, чтоб чинить карандаш, другое — чтоб открывать консервы, и сверху, на колодочке, маленькое шильце. Такого ножика, помнится, у отца не было.

— Разве это его? — усомнился я.

Боец опять улыбнулся.

— Его. Трофейный. У немца отобрал. Ходил в разведку...

— А разве он не пулеметчик?

Мой вопрос бойца не смутил.

— В разведку ходят и пулеметчики. У них ручные пулеметы.

— Знаю, — «дегтяревы». С круглым диском...

Мы расспрашивались друзьями. Я пообещал наведываться, когда будет свободное время. Мне уже хотелось как можно быстрее встретиться с Колькой и показать ему отцовский подарок.

Когда я нес пойло, этот боец, а может, и не этот, смотрел в окно и улыбался. Я ему помахал рукой: скоро опять наведуюсь! Я не мог предположить, что через неделю бойца не станет. Мама говорила, что у него к сердцу подошел осколок и убил его.

УЧУСЬ ДОИТЬ

Уже в марте, когда я выгнал корову на попас, мама поскользнулась на мокрых ступеньках погреба, сломала себе руку. Мне довелось не только пасти, но и доить Солёну — больше было некому: бабушка не могла часто ходить в наш двор, а старший брат считал ниже своего достоинства выполнять обязанности доярки, да он и не умел.

Я и раньше пробовал доить, чтоб мама не видела, но ничего путного у меня не получалось. Вот Колька доил Нюшку, и никто не удивлялся: ведь это же Шкода — он все умеет. И я хотел не отставать от Кольки.

Корова от меня уже не отскакивала, когда я к ней подступал с подойником. Стояла смирно. Я нежно гладил ее теплое, переполненное молоком вымя, оттягивал соски чуть ли не до пола, а молоко в подойник не попадало. Солёна, видя мои напрасные потуги, недовольно топталась по влажной подстилке, жестким хвостом била меня по лицу, и я отступился, признал, что это не мужское дело.

Теперь, когда у мамы правая рука была в лубке, я понял, что доить корову придется мне. Левой, здоровой рукой, мама показывала, как доят. Я тоже, как и она, крепко сжимал упругий сосок всеми пятью пальцами, но молоко не бежало, даже не капало.

Мую ошибку мама заметила сразу же: — Ты дави не всеми пальчиками сразу. Сначала нажимай большим пальчиком, потом указательным... Только делай ласково, ласково...

Я сдавливал уверенно и даже сильно, но не грубо. Корова, словно понимая, о чем у нас разговор, перестала жевать жвачку, повернула ко мне голову, терпеливо ждала, что я буду делать дальше.

— Так, хорошо, — подбадривала меня мама, — теперь нажимай средним. Так. Хорошо. Теперь — безымянным, И, наконец, — мизинцем. Впрочем, мизинцем сейчас не обязательно. Быстро устанешь.

А через минуту:

— Побystрее... Без торопливости. Так. Пусть корова чувствует, что ты у нее хозяин.

Наконец, из одного соска брызнуло молоко. Правая ладонь стала мокрой.

— А где твоя левая рука? Работай двумя руками.

Я старался. И вот — уже тоненькой струйкой молоко ударило в подойник. Подоыник запел! Запел, но не так весело, как поет под руками мамы. И все же в подоыник брызгало молоко! Я доил корову! Мои пальцы быстро деревенели. Так продолжалось несколько дней. До самого локтя я чувствовал боль в суставах. Пальцы ныли, словно кто-то их побил палкой.

Все дни, пока мама болела и не ходила в госпиталь, корову мы доили вместе. Мало-помалу Солёна ко мне привыкала, и уже не перебирала ногами, когда я садился возле нее на скамеечку и принимался доить.

— Солёна, Солёна, — говорил я, подражая маме, и усердно, как мама, обмывал большое теплое вымя.

Корове это нравилось, она стояла не шелохнувшись, даже хвостом не махала, чтоб не ударить меня по лицу. А когда я отставлял тяжелый от молока подоыник, смазывал ей соски вершковкой сметаной, чтоб не обветривались, — словом, делал все, как учила мама, корова кивала головой, словно меня благодарила.

Продолжение следует

«Оф-фо-на-реть!» Именно так – с красноречивыми паузами между слогами и ехидно удвоенным «ф» учитель черчения Иван Михайлович Нечитайло тычет прокуренным ногтем в мой чертёж: «Кухонный кран в разрезе». И это означает – все, милочка, приехали. С такими чертежами только на большую дорогу – прохжих грабить или, в крайнем случае, побирать-ся. Всяк подаст, – из жалости к родителям такого безнадёжного-чертежного убожества.

Как благовоспитанной девушке, мне следовало бы гореть от стыда. Или провалиться сквозь землю. В крайнем случае, заплакать. Но мои губы сами растягиваются в нахальную улыбку. Во-первых, меня занимает мысль, кому пришло в голову распиливать кухонный кран по осевой линии. Во-вторых, мне нравится слово «офонареть». Как будто я постепенно превращаюсь в уличный фонарь. Медленно вытягиваются ноги, тяжелеют и превращаются в громоздкую чугунную тумбу кроссовки, голова возносится над длинным узким телом и вспыхивает ослепительным мерцающим сиянием.

– Садись, – ворчит Нечитайло, словно бы прочитав мои мысли, – торчишь тут, как... как фонарь!

«Офонареть» выражает высокую степень удивления, смешанного с негодованием. Наш Нечитайло фонарем добросовестно – тарачил глаза, распотыривал руки и всем видом показывал, что временно лишился дара речи. Прочие *офонаревшие* ничем от него не отличаются. С той разницей, что педагог *офонаревшего* изображал, а некоторые *фонареют* «в реальности». В минуту полного *офонарения* к ним можно не обращаться – все равно не услышат.

Хотите знать, откуда взялось это слово и как оно связано с фонарями? Расскажу.

Помните песенку Булата Окуджавы – «...Фонарщик был должен зажечь, да наверное, спит. Фонарщик-то спит, моя радость, а я ни при чем...»? С чего бы фонарщику спать в рабочее время? А вы потаскайтесь с лестницей по городу, зажигая и «выключая» фонари! Одно утешение – в фонари заливало растительное масло, вполне пригодное для сдобривания каши. Поэтому его вечно не хватало – съедали, – и обыватели жаловались на темноту. Еще масляные фонари были не слишком гигиеничны. «Далее, ради бога, далее от фонаря, – писал Н.В.Гоголь. – Это счастье еще, если отделаетесь тем, что он зальет щегольской сюртук ваш вонючим своим маслом!»

На смену масляным фонарям пришли спиртовые. Огонек в них яркий, тихий, без копоти. И началось! Спирта в фонаре хватало часов на 15. Но уже через час фитиль гас. Рядом с раздербанным фонарем храпел фонарщик. В меру сил ему помогали городские выпивохи – что достанется. «Офонарели ребята!» – со смехом говорили жители, указывая на державшихся за фонарный столб пьянчуг.

Когда «бесплатный буфет» городским властям надоел, в спирт стали подмешивать вонючую жидкость. Брандмайор лично приготовил зловонное пойло и, зажимая нос, протянул стакан самому знаменитому пропойце-фонарщику. Тот осушил посудину залпом. «Ну, и как?». «Ничего, ваше превосходительство. Пить-то можно, только крепости маловато».

Оф-фо-на-реть!

Дариса ШЕБЕКИНА

Офонареть!

Графская

С.ГУДКОВ

КАША

Граф Дмитрий Александрович Гурьев поморщился и отложил приглашение в сторону. Его – знатного вельможу, виднейшего сановника империи, не кого-нибудь – министра финансов – звал к себе на обед отставной драгунский майор Юрисовский. В Санкт-Петербурге бравого драгуна не решились бы набиваться к нему в приятели. Но здесь, в провинции, они соседи. Граф даже как-то помог Юрисовскому деньгами, и тот теперь хочет выказать ему благодарность. Министр охотно раскошелится бы еще разок, чтобы только не ехать. Знает он эти обеды у помещиков! После кашубек да расстегаев точно подагра разыграет. И что хорошего?

Ну ехать все-таки придется. Его сосед – ветеран кампании 1812 года, участвовал в походе на Париж. А это для Гурьева – святое. Министр крикнул и приказал собираться.

Обед у Юрисовского оказался таким, каким граф и ожидал. Зато и повспоминали немало – и про то, как чудил Кутузов в Вильно, и про лихие вылазки, и как чуть не пленили самого Наполеона. Граф уже встал было из-за стола, но хозяин умолил его отведать десерт. Кашу, какую больше ни у кого не готовят. Кашу? Дмитрий Александрович хмыкнул. Он так и знал. Чего еще ждать?

Но на стол подали нечто воздушное, благоухающее приятными ароматами, украшенное цукатами и фруктами. Граф положил в рот маленькую ложечку – и... на лице его попеременно отразились удивление, недоверие и, наконец, полный восторг. Ложка замелькала часто-часто, и через несколько минут тарелка опустела.

– Кто готовил? – отирая салфеткой выступивший от торопливой еды пот, осведомился вельможа.

– Да повар мой, – Захар Кузьмин. Умеет убажжить, каналья!

– Зови! – чуть выдохнул Гурьев.

Когда повар явился из кухни, граф вышел из-за стола, расцеловал его в обе щеки и подарил крупную ассигнацию. И тут же предложил Юрисовскому неправдоподобно большую сумму за крепостного – вместе со всем его семейством. Юрисовский для порядка немного помолчался, но все же уступил. И деньги были большие, и благодетеля огорчать отказом не хотелось.

Не раз и не два потом угощал граф Гурьев своим кулинарным шедевром гостей. Постепенно его научились готовить во многих дворянских домах, а поваренные книги прославились за пределами России. Кашу так и называли – «гурьевской». Хотя, по справедливости, надо бы – «захаровской»!

Граф Дмитрий Александрович ГУРЬЕВ

Рассказик

ПРИПОМНИЛ

– Позапрошлым летом – оздоровительный лагерь «Силач»?

– Ну.

– Старший отряд?

– Ну.

– Синяя футболка с дыркой на спине и надписью фломастером «Натаха» – спереди?

– Ну.

– Дранные шорты до колена?

– Ну.

– Красная бейсболка с «Барселоной»?

– Ну.

– И кроссовки сорок пятого размера без шнурков?

– Ну.

– Патлы до плеч?

– Ну.

– В субботу перед отъездом – очередь за лодкой на пляже?

– Ну.

– САМ ТЫ КОЗЕЛ!!!

Вера КРУЦ

На уроке русского языка

Учитель. Придумай предложение со словом «горизонт».

Ученик. Я сидел на горизонте и читал книгу.

На уроке физики

Учитель. В чем разница между грозным электрическим разрядом и электричеством, которое идет в наши дома по проводам?

Ученик.

За грозу не нужно платить!

Обещанная

Папа сказал, что если я исправлю все двойки и тройки по химии, то он даст мне денег на скутер. Но у меня ничего не получается, побоюсь что я сильно запустел. Что же мне делать?

Костян, г. Чайковский

От редакции. Да, Костян, трудная ситуация. Ничего не попишешь. Похоже, придется брать в долгу учительницу химии.

Александр Ходячий

– А у меня под окном мартовские коты концерт устроили.

– Хороший?

– Да так, попса всякая.

ПЕРЛОВАЯ КНИЖКА

«...Приплыла к нему золотая рыбка и спрашивает: «Ну че, старик, – какие проблемы?»

«Жены декабристов поехали за ними на каторгу, и от этого они страдали еще больше».

«Редкая птица долетела до середины Днепра, потому что враги ее сбивали».

«Письмо на деревню дедушке не могло дойти, потому что Ванька не наклеил марку».

«Чу!» – испуганно сказал яныч, залезая в облучок».

Прислал Игорь ТУРЯНОВ из г. Львова

Кар-ряу-у-у!
Чертова крапива...

ПРЕДУСЛОВИЕ

В этом хокку великого японского поэта Басё недостает одной – второй по счету – строчки. Она очень важна, ведь в ней указана причина неприятного происшествия. Итак, –

С треском лопнул кувшин.

Я пробудился вдруг.

Вы не слишком сильны в японской поэзии? Тогда вам поможет наблюдательность и умение логически мыслить.

УДАЧИ!

ТРИ ЗАДАЧИ

Вернувшись из караула, легионер должен был центуриону: «Ночью мне снилось, будто варвары собираются штурмовать наш лагерь с запада!» Центурион улыбнулся, но приказал усилить посты. И сон сбылся! Когда атака была отбита, центурион сперва похвалил легионера, а потом приказал его арестовать. ЗА ЧТО?

Легкая

Двое приятелей увлекались шахматами. Однажды, во время игры, к ним подошла сестренка одного из мальчишек:

- Саша, почему ты так пошел?
- Не мешай, – ответил ей брат.
- Ты все равно не понимаешь.
- Понимаю! – возразила девочка.
- Вчера папа показал мне ходы, рассказал про фигуры. Игра простая. Уж одного-то из вас я точно обыграю.

– Нас?! – в один голос возмутились шахматисты.

– Хотите сейчас одновременно играть? С Сашей я сыграв белыми фигурами, а с Витей – черными. Идет?

Она и правда выиграла одну партию. За счет хитрости. КАК?

СМЕШАНО

КАН

WORDIK

В январском номере было:
Геолог. Змей. Марс. Армен.
Сарай. Порт. Гул. Юкон.
Овсов. Гнев. Тени. Миг. Аве.
Плюс. Ком. Ветер. Тон.
Веймар. Ева. Овин. Сидней.

Он открыл Америку →					Начало дистанции	Друг Аскольда Украинский танец	«...! Знакомые все лица!»
↓	И Северный и Южный	Перекуем меч на ...	Медвежонок из мультфильма	Греческая буква Страна в Азии			
↙			Находка Шлимана Шарф из меха				«Кто сказал ...?»
	И дождь и снег	Восточная повозка			16 кг		
↙			Главная артерия				Сооружение для ремонта судна
	Группа «...-Хип»	Обитатель морей			Море-плаватель		

Я слышала про собачью болезнь «дружественный хвост». Что это такое? Как она передается?

Инна, г. Клин

Такое название и правда существует. Наши ветеринары им редко пользуются. Зато за рубежом – это обычное определение распространенной собачьей болячки. Если у тебя есть своя собака или щенок, можешь не волноваться. Эта «болезнь» от собаки к собаке не передается. В принципе. По очень простой причине.

Дело в том, что «дружественный хвост» – это механическое поврежде-

ние на «пятой конечности» у пса. Вспомни – главное проявление дружеских чувств у большинства собак – это широко, на всю амплитуду, влияние хвостом. Таким способом пес демонстрирует свою преданность хозяину, готовность поиграть, благодарность за угощение. Но если собака – крупных размеров, а жить ей приходится в тесной городской квартире, то... Собачий хвост постоянно молотит по твердым предметам – стенам, мебели, дверям. В результате на кончике хвоста образуется ссадина. Она постоянно

подновляется и потому плохо заживает. Особенно часто страдают мощные короткошерстные псы – доги, мастины, мастифы. Иногда в ранку попадает инфекция, и хвост приходится купировать. Вот вам и «дружественный»!

Но ведь понравилось же? А это – главное. Относительно «похоже – не похоже» тут у нас вот какая история. Вряд ли фильм Тима Бартон следует считать классической экранизацией. Скорее, здесь подойдет другое определение – «по мотивам». Тем более что фильм сделан по оригинальному сценарию, написанному Линдой Вулверсон. По ее сценариям Дисней снимал «Короля-льва» и «Красавицу и чудовище». Давая считать, что фильм – это как бы «продолжение» книги, в котором Алиса стала почти взрослой девушкой.

Зато герои – самые настоящие, узнаваемые, «кэрролловские». Это и сама Алиса, и Чеширский кот, и Кролик, и обе королевы, и Безумный Шляпник, которого замечательно сыграл Джонни Депп.

Наверное, отличной игре актеров фильм и обязан успехом у зрителей. Миа Вилоскви очень похожа на свою героиню. А что касается всяких спецэффектов, то тут Бартону вообще нет равных.

Недавно мы с мамой посмотрели «Алису в Стране Чудес». Вообще понравилось. Но только там совсем не так, как у Кэрролла. Почему?

Василина ГРУШИНА, г. Путино

4 то можно ответить – отшутиться? Но... такие разговоры ведутся. Обычно в «заговоре» против третьего мира, дающего наибольший прирост народонаселения Земли, обвиняют компьютерного гения и богатейшего человека планеты Билла Гейтса. Он якобы тратит огромные средства на разработку вакцин и генно-модифицированных продуктов, которые под видом помощи засылаются в Африку. Результат – женщины теряют способность рожать. Сплетня? Возможно. Но проблема – существует.

Правда ли, что ученые разрабатывают методы, чтобы уменьшить население Земли?

**Сергей ЧУЙКОВ,
с. Кольцево**

Я летом не дочитал книжку – там один пацан слушал в метро, как его погибшая мама объявляла остановки. Забыл, как она называется. Не подскажете?

Саша САХОВ, с. Брод

3 ря не дочитал. Очень хорошая книга. Написал ее замечательный писатель Владислав Крапивин. Называется – «Застава на Якорном поле». Кстати, впервые, уже много лет назад, она была напечатана в журнале «Пионер» – с иллюстрациями художника Евгения Медведева. После этого она много раз выходила от-

дельными изданиями. Так что ты разыскиваешь вовсе не библиографическую редкость.

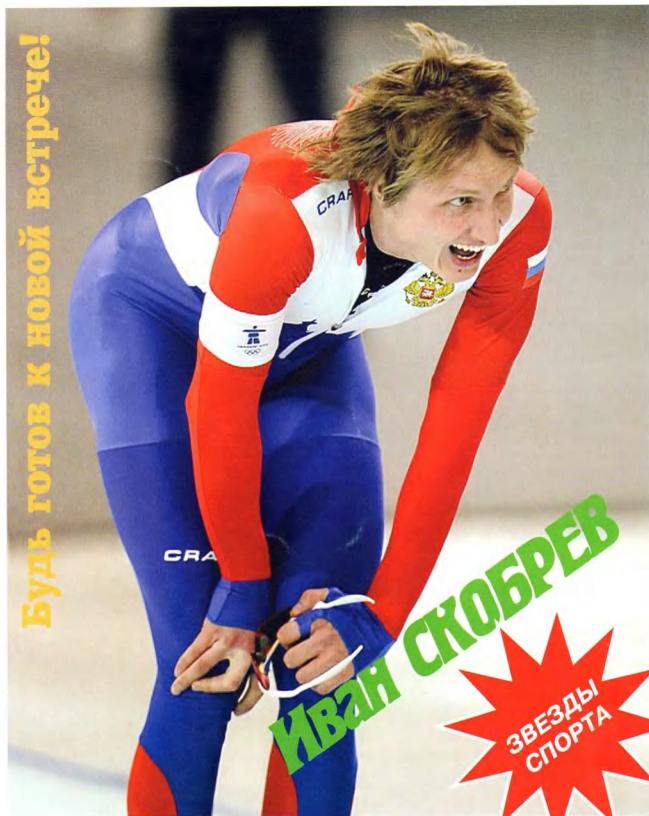
В вашей библиотеке книги Крапивина должны быть. Да и в книжном магазине найдется.

Дурацких вопросов не существует. Спрашивай!

Будь готов к новой встрече!

ИВАН СКОБРЕВ

ЗВЕЗДЫ
СПОРТА

Наш сайт в интернете: WWW.PIONEER-MAGAZINE.RU